

Н. С. АРСЕНЬЕВ

**Основное единство христианской
духовной жизни на Востоке и Западе.
Образы святых (св. Франциск Ассизский)**

<Фрагменты>

Ярким примером того, что есть *одна* основная стихия христианской жизни на Востоке и Западе, могут послужить хотя бы два следующих эпизода: один — рассказанный Фомой из Челано в его второй биографии Франциска Ассизского, другой — сохраненный нам Иоанном Мосхом (550–619) в его «Луге Духовном», сборнике назидательных рассказов из жизни палестинских подвижников и отшельников. У Фомы из Челано читаем, что раз во время последней болезни Франциска, когда он сам не мог читать, т. к. страдал глазами, один брат предложил почитать ему вслух из Св. Писания. Франциск всю жизнь свою бесконечно любил и чтит Писание, но в этот раз он ответил ему: «Non pluribus indigeo, fili. Scio Christum pauperum, crucifixum» (Мне большего не нужно, сын мой. Я знаю Христа бедного и распятого). И этого ему было достаточно: постоянного устремления духовного взора своего на Распятого. В этом вся мудрость Франциска, красной нитью проходящая через всю его жизнь от видения Распятого в часовне Сан Дамиано до стигматизации на Альвернской горе... Так и у Иоанна Мосха читаем: Пришедшей к праведному старцу Стефану ради поучения братии он, после долгого молчания, наконец сказал: «Что знаю, то скажу вам. Днем и ночью я ни на что более не взираю, кроме Господа нашего Иисуса Христа, пригвожденного к дереву крестному». <...>

<...> Несмотря на разделения христианских Церквей — не только разделения канонически-юридического характера, но и на некоторые появившиеся разногласия и притом немаловажного характера — основное единство христиан, объединяемых «единым Господом, единой верой, единым крещением, единым Богом и Отцом всех» (Еф. 4: 4–6), объединенных одной благой вестью, или вернее, *единой реальностью* заполнения пропасти между Богом и нами снисхождением Божественной Любви, более того, захваченных и объединенных

этой Божественной Любовью — это *основное единство* оставалось, к сожалению, часто в скрытом виде. Но нередко это единство прорывается, проявляется наружу: в принятии общего благовестия и в следовании по стопам Христа и в приятии Креста Его в повседневной жизни и во взаимном служении любви. Проявлялось оно и в великих святых, сияющих для одного народа, для группы народов, а потом, через ряд веков, воссиявших и для многих других христиан другой культуры, другого исповедания.

Франциск Ассизский засиял для протестантского мира с конца XIX века (особенно через ученые труды французского гугенота, профессора Сабатье, и немецкого историка искусства, профессора Хенри Тоде), а в России — главным образом с начала XX века (через труды профессоров Герье, Гревса и других историков). Особенно сильным каналом воздействия образа Франциска на северо-европейского протестантского и на русского читателя были, конечно, его благоухающие «Цветочки» (венки народных сказаний XIV века), много раз переводившиеся и печатавшиеся на разных языках. <...>

<...> Иисус Христос, в яслях в бедности рожденный, странствовавший и проповедовавший, не имея, где главу приклонить, страждущий и распятый, и воскресший Сын Божий, — вот единый смысл и вдохновляющая сила и предмет любви и устремление всей жизни Франциска после того, как Он открылся ему. Эта жизнь составлена из горения духовного и подвига. Она вся есть посвящение себя Христу, смиренное, радостное служение Ему. Франциск охвачен любовью Того, Кто возлюбил нас и требует нашей любви к Нему. Но это — не ряд радостно-эстетических эмоций, как некоторые представляют себе жизнь Франциска, это — глубочайший и труднейший подвиг самоотдания и отказа от всего ради Господа, но подвиг этот преодоления себя превратился в радость, изливающуюся кругом, в безмерное горение любви.

Подвиг — *стержень* этой новой жизни, подвиг силою Христовою и из любви ко Христу. И вместе с тем какая это атмосфера поражающей простоты и безмерного смирения. Опять-таки из любви к своему Владыке и Господу. Господь бесконечно смирился и уничижился — до бедности, до страдания и смерти. Как же нам не уничижиться и не быть духовно там, куда Он снизошел — среди неимущих, бездомных, не имеющих где главу приклонить, где тем ярче — в смирении и уничижении — проявилось Его снисхождение и Его Божество? Подражать Его смирению, Его снисхождению, с той разницей, что мы — действительно грешники и ничего не имеем и что наше смирение есть только понимание того, что действительно есть. Ибо все от Него, мы же только пользуемся Его даром. Это соединение сурово-

сти подвига и полноты отречения (поскольку это возможно человеку) с духовным ликованием и радостно-трепетным служением людям в любви и смирении дает этой любви огромную, завоевательную силу и создает атмосферу изумительной духовной просветленности вокруг Франциска и ближайших его учеников. Но главное: по мере возрастания смирения, сознания, что он ничего не имеет и ничего не может сам, собственными силами, возрастало и воздействие Высшей Силы через него на окружающих его.

Один эпизод из жизни Франциска с особой яркостью освещает, так сказать, всю жизнь его изнутри: его одинокая молитва на Монте Альверно, подслушанная братом Львом (подкравшимся незаметно за ним в лес, куда Франциск уходил молиться). В течение сорока часов Франциск поднимал глаза свои к небу и снова склонялся вниз, повторяя те же самые слова: «Кто Ты, сладчайший Господи мой, и кто я, жалкий червячек и раб ничтожнейший Твой?»

Это основное созерцание христианской мистики: мое ничтожество и недостойнство, и — снисхождение Божественного Милосердия.

Ибо все это: и подвиг духовной борьбы со своим ветхим человеком, и радостное и смиренное служение ближнему в себя забывающей любви — вырастает, повторяю, из охваченности Франциска любовью к Господу Иисусу. «Когда ты видишь бедного, ты должен в нем видеть Того, во имя Которого он приходит к тебе, именно Христа, Который взял на Себя нашу нищету и наши немощи. Ибо немощи и нищета этого человека суть для нас зеркало, в котором мы благоговейно должны видеть и созерцать немощи и нищету Господа Иисуса Христа, Который нас ради претерпел их в плоти Своей». Франциск покорен этой любовью к нищему и страждущему ради нас Господу Иисусу, он не может оторвать своего взора от этой высоты, проявившейся в бесконечном, добровольно взятом на Себя унижении и смирении Сына Божия. «O sublimitas humilis! O humilitas sublimis!» (О смиренная высота, о возвышенное смирение!) — восклицает он, говоря о Тайнстве Евхаристии. Это те два полюса — Божественный и подлинно-человеческий — которые, в истинно-иоанновском созерцании, постоянно предносятся и взору Православной Восточной Церкви в ее молитвенной и литургической жизни. Впрочем, бедный или вообще страждущий ближний для Франциска не только — отображение образа Господа Иисуса — страждущий Господь действительно мистически присутствует в страждущем брате нашем. Франциск до глубины ощутил правду этих слов: «Потому что вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то и Мне сделали» (Мф. гл. 25).

Любовь Христова — основная стихия жизни Франциска. Охваченный ее порывом и созерцанием нищеты Его, он не в состоянии принять

участие в пышной трапезе кардинала, а садится на каменные плиты пола и плачет, и только так — сидя на полу — согласен вкусить немного пищи в день великого, добровольного уничтожения Господа. Это не надуманность, не искусственное взвинчивание себя: в проповеди Франциска пробудилась опять со всею силою апостольская проповедь о пришествии в мир Единородного Сына Божия, «Сына Любви Его» (Кол. 1: 13) и отдании Им Себя ради нас. Недаром первый биограф Франциска, Фома из Челано¹, весь еще обвеянный живыми воспоминаниями о Франциске, которыми была насыщена среда его ближайших учеников и сотрудников, так характеризует значение Франциска как проповедника Благой Вести: «Этот человек был послан от Бога, чтобы по примеру апостолов свидетельствовать об Истине во всем мире»; «он горел тем огнем, который Иисус низвел на землю», поэтому «дух обновления был излит в сердца» тех, кто разделяли его подвиг. В той же главе следующими краткими словами характеризуется вся его деятельность: «Охваченный преизбытком горячей любви, он вступил на путь совершенства». Автор этой биографии, или, вернее, этого жития, прав: вся загадка Франциска — в Божественной Любви, захватившей его и породившей его ответное отдание себя и зажегшей его любовью — не только к Господу и Владыке, но и *ко всему миру*, ко всем людям, ко всей твари, даже неодушевленной, к тому миру, от богатства и блеска и прельщения которого он отказался, чтобы опять приобрести его *во Христе*, т. е. во имя Того, Кому он безраздельно посвятил свою жизнь. И в Нем он приобрел *все*, не думая об этом «всем», а только об Евангелии. Но этот Единый просветляет, освещает все. Отсюда — из подвига отречения от своей самоустраемленности, — *радость*, уже теперь просветляющая и преображающая в лучах присутствия Божия, в лучах *подвига Христова*, и любовь к ближнему, особенно страждущему, к ищущему помощи ближнему, и ко всей природе — к животному, даже растительному миру, даже к миру неорганическому, неодушевленному — камням, ветру, огню, солнцу. Ибо «они приносят весть о Тебе, о Высочайший!»

Вся тварь для Франциска жива и близка его сердцу: он проповедует не только птицам, но и цветам. Скалы и леса, нивы и виноградники, сады и источники призывает он к восхвалению Господа. Он заботится о пчелах и ласточках, он разговаривает с «сестрой цикадой» и «братом фазаном», мало того — «даже по камням ступает он с благоговейным трепетом из любви к Тому, Кто называется Камнем Краеугольным» (*super petra etiam dum ambularet, cum magno timore et reverentia ambulabat*), а червяка бережно снимает с дороги, чтобы не раздавила его нога пешехода: «*circa vermiculos etiam nimio flagabat amore*» — даже о червях он пылал чрезмерной любовью, — говорит его древний биограф.

Даже и несовершенное, суровое и злое в природе, и грех в человеке не является препоной для любви Франциска, не затемняет для него образа Божия, живущего в человеке, сияния Божества, которым полон мир и которое всех нас делает членами одной семьи — братьями и сестрами в Боге. И эта сила любви есть вместе с тем просветляющая и духовно восстанавливающая сила: ею побежден свирепый «брат волк», этим безмерным порывом любовного смирения смущены и покорены одичавшие и озверевшие разбойники и увлечены вместе с Франциском, по примеру его, многие и многие грешные сердца на подвиг следования Христу. Суровые силы природы смягчаются и просветляются, прикасаясь к его внутреннему свету, побежденные, зараженные той же любовью. «И не удивительно, если огонь и другие неодушевленные твари, — так читаем в воспоминаниях его учеников, — порой повиновались ему и чтили его, ибо, как мы, бывшие с ним, сами часто видали, он до такой степени исполнялся любовью к ним, так услаждался ими и таким состраданием и жалостью к ним бывал подвигнут дух его (*ipse tantum afficiebatur ad eos et in eis tantum delectabatur et circa ipsos tanta pietate et compassione movebatur spiritus ejus*), что он не мог видеть, чтобы с ними обходились неуважительно. И он так беседовал с ними, охваченный изнутри и извне ликованием, как будто бы они были разумными, и вследствие сего часто бывал восхищен к Господу в духе».

Все живые существа с доверчивой любовью идут к нему: птицы жадно слушают его проповедь и ждут его благословения, цикада садится на его руку и, по его приглашению, радостно поет свою хвалу Господу; птичка укрывается в его руках и не хочет улетать; рыба, пойманная, которую он выпускает обратно в воду, играет около него в воде и не уплывает, покуда он не благословит и не отпустит ее; дикий зайчик ластится к нему, прыгает к нему на грудь под складки его одежды и не хочет с ним расстаться. А перед его смертью слетается огромное множество ласточек, которых он любил и о которых так заботился при жизни, и, кружась над крышей дома, в котором лежал умирающий Франциск, сладостной песней как бы прославляют Господа. Ибо вокруг Франциска, как и вокруг других великих святых, создавалась уже новая психологическая атмосфера, *новая среда*: среда обновленного существования, радостного восприятия иной, повышенной и *преображенной действительности* — дыхания Вечной Жизни. «Поэтому, — так рассказывает нам близкий ученик его — мы, бывшие с ним, видели, как он внутренне и внешне ликовал по поводу всех почти творений, до такой степени, что при прикосновении к ним или созерцании их дух его, казалось, был не на земле, а на небе». И из уст Франциска изливается восторженный гимн восхваления. Просветлен весь мир, все твари, и вся жизнь, даже

испытания и страдания жизни, ибо все есть повод к благодарению и прославлению Бога: «Благословен Ты, Господи, за тех, что прощают из любви к Тебе и переносят немощи и скорби»; просветлена и самая смерть: «Laudato si, Monsignore, per sora nostra morte corporale» (Cantico del Sole) — «Благословен Ты, Господи, за сестру нашу телесную смерть». Ибо, охваченный любовью ко Христу — единым содержанием и центром всей его внутренней жизни — Франциск в Нем воспринял мир, и братьев, и все твари, и всю жизнь, и самую смерть, переживая заново слова ап. Павла: «Для меня жизнь — Христос и потому самая смерть — приобретение» (Флп. 1: 21).

Характерна, так как она указывает на самые основные глубины жизни Франциска, следующая черта, приведенная в его биографии: «Он никогда не мог слышать выражения *любовь Божия* без того, чтобы не пережить какое-то внутреннее изменение: ибо, услышав их, он был как бы внезапно возбужден, приведен в движение, воспламенен, как если бы внутренние струны его сердца были приведены в звучание». «Сколь должны мы, — так говорил он, — возлюбить любовь Того, Который столь возлюбил нас».

«Поэтическая непосредственность», почти «наивно-народная» свежесть восприятия (под этим углом некоторые исследователи и писатели были склонны — иногда довольно односторонне — воспринимать жизнь св. Франциска) и вместе с тем — огромная мудрость и зрелость духовная, несокрушимая энергия и радостная суровость подвига, простота (но глубокая, основная, вытекающая из чистоты сердца и высоты духовной) и смирение, любовь Божия, охватившая его существо и изливающаяся на окружающих, преображение творения в лучах Божиих — все это вытекает из укоренения всего религиозного опыта Франциска в снисшедшем на землю Сыне Божиим.

«Откровения Божественной Любви» Юлиании из Норича

1

В «Откровениях Божественной Любви» Юлиании из Норича мы имеем один из величайших, наиболее чистых и глубоких в своей трогательной простоте, перлов мистической литературы средневекового Запада. Мало того — среди памятников всей христианской мистики